

БОНДАРКО А. В.

СЕМАНТИКА ПРЕДЕЛА

В языковых значениях содержится денотативный аспект, сопряженный с отношением единиц системы языка к внешнему миру. Вместе с тем с каждой формой связана особая языковая семантическая интерпретация (способ представления) мыслительного содержания. Это явление привлекало к себе внимание лингвистов XIX в. в связи с рассмотрением внутренней формы в языке как «способа представления внеязычного содержания» [1, с. 47]. Для данного аспекта языковых значений в лингвистической литературе нет единого термина. Тем не менее он так или иначе освещается, когда речь идет о языковой стилизации [2, с. 10—13 и сл.], о стратификации семантики, о соотношении языкового и мыслительного содержания (значения и смысла) и т. п. [3, с. 232—234; 4, с. 44; 5, с. 14—25; 6; 7, с. 57—75]. В целом же степень разработки указанного аспекта языковых значений на современном уровне явно недостаточна. Это становится особенно ясным на фоне интенсивного изучения семантики в рамках денотативно-понятийных, референциальных и коммуникативно-прагматических концепций. Важно подчеркнуть, что сами по себе эти концепции оказываются односторонними вне соотнесенности с анализом языковых значений с точки зрения их внутренней содержательной формы.

В понятии языковой семантической интерпретации мыслительного содержания, с нашей точки зрения, могут быть выделены следующие аспекты: 1) избирательность по отношению к элементам внеязыкового мира, отражаемым в сознании людей; 2) модификация понятийной основы содержания в исторически сложившихся значениях языковых единиц (со всеми их оттенками и возможными элементами избыточности; в частности, речь идет об избыточности, вытекающей из обязательности грамматических категорий в языках флективно-синтетического типа); 3) сочетание денотативных и коннотативных элементов значений; 4) различие дискретного и недискретного представления мыслительного содержания; 5) сочетание эксплицитных и имплицитных содержательных элементов; 6) конкретно-языковые проявления семантической категории вариативности (вариативность выходит далеко за пределы понятия языковой семантической интерпретации, но вместе с тем пересекается с ним; ср., в частности, межъязыковые различия в иерархизации семантических типов, подтипов, разновидностей и вариантов в рамках определенной семантической категории).

Указанные аспекты понятия языковой семантической интерпретации мыслительного содержания далее в той или иной мере затрагиваются при рассмотрении семантики предела.

Внутренний и внешний предел. В самом общем смысле предел действия — это его временная граница, ограничение его протекания во времени (речь идет о «действии» в самом широком смысле, охватывающем любые разновидности глагольных предикатов, включая состояния и отношения).

Предел может быть внутренним и внешним. В тех случаях, когда временная граница не зависит от характера самого действия и обусловливается внешними по отношению к нему факторами (обстоятельствами ограничения длительности и т. п., наступлением другого действия), мы имеем дело с внешним пределом. Например: *Он находился там до трех часов; Буду спать, пока меня не разбудят.* Если же ограничение протека-

ния действия во времени определяется характером самого действия, отраженным в значениях глагола (в частности, в значениях вида и способа действия, а также в лексической семантике), то речь должна идти о в н у т р е н н е м п р е д е л е. Такой предел касается «внутреннего времени действия» (по выражению Г. Гийома [8, с. 47—48]).

Значения внутреннего и внешнего предела могут пересекаться и взаимодействовать. Характерный пример — глаголы ограничительного и длительно-ограничительного способов действия (*полежать часа два, пролежать весь день* и т. п.). Их специфика состоит в том, что в самом способе действия (а это в других случаях источник «внутренне-предельных» значений) заключена связь с внешним пределом. Ограничение длительности — это «внешне-предельное» значение. Не случайно оно соотносится со значением обстоятельств типа *пять минут, целый месяц*. Вместе с тем данное значение включено в семантику приставочного глагола и взаимодействует со значением совершенного вида (СВ). На семантику ограничительного или длительно-ограничительного способа действия накладывается видовое значение предела: ограниченное мерой длительности действие представлено в полноте (исчерпанности) этой меры. Тем самым внешне-предельная по своему мыслительному содержанию характеристика глагольного действия в своем конкретно-языковом воплощении становится элементом его внутренней содержательной структуры. Далее речь будет идти лишь о внутреннем пределе.

Характеризуя понятие предела, необходимо эксплицировать упомянутое выше «ограничение действия во времени». Предел — это значение полноты (исчерпанности) фиксируемого данным глаголом проявления действия во времени¹. Имеется в виду не само по себе внеязыковое действие со всеми его реальными элементами, а его представление в глагольных значениях. В полноте, исчерпанности представляется то проявление, которое определяется, в частности, способом глагольного действия (ср. глаголы типа *посидеть, просидеть*).

У начинательных глаголов значение ограниченности пределом относится не к действию в целом, а лишь к его начальной фазе. Действие может продолжаться, например: *Мы поплыли к другому берегу (и продолжали плыть); Он громко заговорил (и продолжал говорить)*, но этот элемент предполагаемого (или явно обозначенного) продолжения находится за пределом той выделенной в языковом представлении действия фазы, которая действительно исчерпала себя и продолжаться не может.

Реальный и потенциальный предел. В аспектологических работах давно проводится различие между реальным достижением предела и направленностью на предел [см. 10, с. 10, 16—17; 11, с. 15]. Обозначим это различие терминами **р е а л ь н ы й / п о т е н ц и а л ь н ы й п р е д е л** (ср.: *Он пробрался/пробирался через толпу*).

Различие между реальным и потенциальным пределом в русском и других славянских языках подчеркивается четким распределением этих значений по видовым формам: реальный предел — постоянный семантический признак СВ (НСВ способен передавать лишь особую имплицитную разновидность реального предела); потенциальный предел может быть выражен лишь формами НСВ.

Значение потенциального предела (в его отношении к реальному пределу) в разных языках занимает различное положение в общей системе лимитативных отношений. Так, в немецком языке, как отмечает В. М. Павлов, «...существуют лексемные отображения трансформативных действий (т. е. предельных в самой объективной действительности — Б. А.), допускающие как выражение таких действий в процессном аспекте (с ослабленным или даже дезактуализированным „фоном“ осмысления трансформативного действия как объективно направленного к достижению

¹ Ср. суждения Ф. Ф. Фортунатова о значениях форм перфективного и имперфективного вида в общендоевропейском языке: «... первая обозначала данный признак в полноте его проявления во времени, а вторая не имела этого значения, т. е. обозначала тот же признак без отношения к полноте его проявления во времени» [9, с. 161].

предела), так и выражение целостного представления действий в их полноте и исчерпанности...» [12, с. 54].

Понятие потенциального предела сопряжено с процессностью, т. е. с представлением действия в процессе его протекания, ср.: *Суп уже закипал в чугунке; Мать выздоравливает* [см. 7, с. 118—159]. Выражение потенциального предела обязательно предполагает процессность, но не всякая процессность предполагает потенциальный предел, поскольку процесс может быть и неопредельным (*Мы гуляли по парку*). Между процессом, связанным с потенциальным пределом, и неопредельным процессом в русском языке нет четких формальных различий. В связи с этим и семантическое различие может быть размытым.

Значения реального и потенциального предела отличаются друг от друга разной степенью дискретности. Реальный предел — самостоятельное, четко выделяющееся значение, тогда как потенциальный предел — лишь переменный элемент, сопровождающий значение процессности.

При всех различиях между реальным и потенциальным пределом эти разновидности предела объединяются в понятии предельности. Предельность глагола — это его способность выражать либо реальный, либо потенциальный предел. Соответственно неопредельность — отсутствие способности выражать какой бы то ни было предел — как реальный, так и потенциальный (ср.: *бездельничать*).

Эксплицитный и имплицитный предел. Вводя данное различие, мы имеем в виду разновидности реального предела, связанные прежде всего с эксплицитным (явным, подчеркнутым) или имплицитным (менее явным, неподчеркнутым) характером самого содержания. Имплицитное (подразумеваемое) содержание вытекает из содержания эксплицитного или из сопровождающей его ситуативной информации. Имплицитное содержание может быть особой модификацией эксплицитного содержания в ограниченных условиях функционирования грамматических единиц (в частности, когда вместо маркированной формы употребляется форма немаркированной).

Предел является **э к с п л и ц и т н ы м**, если налицо явно выраженное значение полноты (исчерпанности) данного проявления действия. В славянских языках такому характеру значения предела соответствует его выражение специальной грамматической формой СВ. Предел является **и м п л и ц и т н ы м**, если данное значение лишь подразумевается в определенных условиях контекста, хотя и при участии грамматических форм, допускающих такую импликацию. По отношению к русскому языку речь идет прежде всего об употреблении формы НСВ в позициях нейтрализации видового противопоставления и так называемой «конкуренции видов». Форма НСВ участвует в передаче значения предела, но особым образом, допуская в силу своей семантической немаркированности имплицитную информацию о реальном пределе. Ср.: 1) эксплицитный предел: *После короткого затишья вдруг опять сорвался дождь и с шумом обрушился на землю*; 2) имплицитный предел а) при нейтрализации видового противопоставления в настоящем историческом: *После короткого затишья вдруг опять срывается дождь и с шумом обрушивается на землю*; в прошедшем времени при выражении повторяющихся действий: *После короткого затишья вдруг опять срывался дождь и с шумом обрушивался на землю* (в обоих случаях НСВ выступает вместо невозможного в данных условиях СВ); б) при «конкуренции видов»: *Я уже читал* (ср.: *прочитал*) *эту книгу*.

Основной семантической разновидностью реального предела является эксплицитный предел. Имплицитная же разновидность имеет относительно периферийный характер. Потенциальный предел, как было показано выше, характеризуется содержательной недискретностью. Мы имеем здесь дело с особой разновидностью имплицитного предела: подразумевается направленность действия на достижение его границы.

В грамматической системе русского языка обращает на себя внимание четкое распределение семантических разновидностей предела по видовым формам: основная линия явно выраженных разновидностей предела (реальный эксплицитный предел) сопряжена с СВ; разновидности предела,

противопоставленные звеньям этой цепи (потенциальный предел, противопоставленный реальному, и имплицитный реальный предел, противопоставленный эксплицитному), связаны с НСВ (который вместе с тем выражает и непрелюдные действия).

Абсолютный и относительный предел. М. Я. Гловинская обратила внимание на тот факт, что не все глаголы СВ в русском языке обозначают действие, которое далее не может продолжаться (*лечь, надеть, сесть, умереть, упасть* и т. п.). Существуют целые группы глаголов СВ, обозначающих действие, которое может быть продолжено. Таков, в частности, класс глаголов, обозначающих изменения свойств или положения в пространстве: *возрасти, замедлится, заострится, нарастать (темны), окрепнуть, ослабеть, охладиться, повиснуть, покраснеть, разогреться, сократиться, увеличить, удалить, удлинить, ускорить* и т. п. [см. 13, с. 9].

Различие невозможности/возможности дальнейшего продолжения действия имеет важное значение. Указанные факты дают основание выделить две разновидности предела: **а б с о л ю т н ы й и о т н о с и т е л ь н ы й** предел. Этот вывод расходится, однако, с тем заключением, к которому приходит М. Я. Гловинская (предел не является универсальным свойством значения СВ). С нашей точки зрения, в высказываниях типа *Цены повысились*, как и в высказываниях типа *Он надел пальто*, налицо значение предела, только в первом случае предел относительный, а во втором абсолютный.

Рассмотрим пример: — *Ты заметил? Поезд замедлил ход*. В реальной действительности замедление хода поезда может продолжаться, однако этот элемент, связанный с лексическим значением глагола и ситуативной информацией, не противоречит выражаемому формой СВ значению ограниченности пределом. Говорящий, употребляя форму СВ, представляет в полноте осуществления именно данное и только данное проявление действия (то, что он заметил). Последующее же замедление хода поезда выходит за пределы значения СВ, хотя и включается в общий объем передаваемой информации (как элемент «ситуативного фона»).

Различие между абсолютным и относительным пределом выявляется в лексических значениях глаголов, в значениях некоторых способов действия, в ситуативной информации и в сочетаемости глагольных форм. Однако значение СВ, заключающее в себе лишь минимум информации о пределе, данным различием не затрагивается. Как и всякое грамматическое значение, оно характеризуется определенной избирательностью по отношению к явлениям объективной действительности и денотативным аспектам семантики. Таким образом, категориальное значение СВ, основанное на понятии предела, действительно распространяется на все глаголы. Следует лишь учитывать тот интерпретационный элемент семантики предела, о котором шла речь выше.

Понятие относительного предела распространяется не только на указанную выше группу глаголов, но и на другие глаголы. Речь идет прежде всего о глаголах начинательного способа действия (ср.: *Волки завывали и продолжали выть до утра*). Как уже было отмечено выше, само значение начинательного способа действия предполагает отнесенность предела к начальной фазе и последующую имплицитную длительность процесса. Относительность предела включается в данном случае в характеристику способа глагольного действия. Глаголы ограничительного и длительно-ограничительного способов действия не столь тесно связаны с относительным пределом, но вполне допускают сочетаемость типа *Проболел целый месяц и продолжает болеть*.

В системе разновидностей семантики предела рассматриваемое членение проходит внутри понятия реального предела (по отношению к потенциальному пределу вряд ли существенно различие в направленности на абсолютный или относительный предел). Указанные разновидности касаются эксплицитного предела, выражаемого формами СВ, но могут быть отмечены и при передаче имплицитного предела с участием форм НСВ. Ср.: а) *Он снимает пальто и входит в комнату* (абсолютный имплицит-

ный предел); б) *Внезапно поезд замедляет ход, все начинают собирать вещи* (относительный имплицитный предел).

Поле лимитативности. Назовем систему разных типов отношений действия к пределу в данном языке, соотношенную с системой разноразрядных формальных средств, функционально-семантическим полем (ФСП) лимитативности. Данное поле охватывает все указанные выше разновидности внутреннего предела и разные отношения действия к пределу, включая его отсутствие. Внешний предел относится к данному полю лишь постольку, поскольку он связан с внутренним пределом. Что же касается собственно внешнего предела, то эта семантика скорее относится к сфере длительности (в случаях типа *Мы сидели там до вечера*) или к пересечению длительности и таксиса (в случаях типа *Мы сидели там, пока не стемнело*).

Поле лимитативности есть в любом языке, однако в структуре данного ФСП существуют межъязыковые различия. В русском языке в поле лимитативности представлена следующая иерархия отношений действия к пределу: 1) наиболее абстрактное и наиболее грамматикализованное противопоставление ограниченности/неограниченности действия пределом, лежащее в основе грамматической категории вида и охватывающее всю глагольную лексику; 2) особая разновидность указанного противопоставления — направленность действия на предел (результат)/его достижение (*доказывать* — *доказать*, *светлеть* — *посветлеть* и т. п.); 3) противопоставление предельности/непредельности как признаков глагольных лексем и образуемых ими лексико-грамматических разрядов предельных/непредельных глаголов [см. 10, с. 10—17; 14, с. 11—12, 38—40, 157—196].

В центре семантической структуры рассматриваемого поля в русском языке находится категориально-грамматическая лимитативность (включая указанную в п. 2 ее спецификацию), на периферии же — противопоставление значений предельности/непредельности. Если иметь в виду компоненты ФСП в единстве их содержания и выражения, то структура поля лимитативности в русском языке включает: а) категорию вида как грамматическое ядро (центр) поля, б) периферийные компоненты — лексико-грамматические разряды предельных/непредельных глаголов и связанные с ними способы действия; к периферии данного поля относятся также лексические обстоятельственные показатели типа *постепенно, совсем*.

В тех языках, где ограниченность/неограниченность действия пределом не имеет статуса грамматической категории, т. е. не опирается на специальную систему грамматических форм, значимость противопоставления предельности/непредельности в общей системе отношений действия к пределу повышается. Так, во французском языке предельность/непредельность глагола, как отмечает Е. А. Реферовская, играет доминирующую роль в аспектуальной характеристике действия, какой бы глагольной формой оно ни выражалось [15, с. 91—109]. В немецком языке категориальный семантический признак предельности/непредельности стоит на первом месте по значимости среди различных проявлений взаимодействия грамматических форм с категориальными элементами семантики глагольных лексем (к такому выводу приходит В. М. Павлов [12, с. 49]). В узбекском языке, где отсутствует обязательная и всеобъемлющая категория вида, а формальные показатели аспектуальных отношений употребляются факультативно, как отмечает Д. М. Насилов, возрастает роль аспектуальных характеристик, заключенных в лексической семантике глаголов, — значений действия и состояния в их отношении к значениям предельности/непредельности [16, с. 128—165].

В группировку полей аспектуальности (с семантикой характера протекания и распределения действия во времени) помимо лимитативности входят следующие ФСП: длительность, кратность, фазовость, перфектность, статальность и реляционность (выражение отношения). С группировкой ФСП аспектуальности пересекается временная локализованность/нелокализованность (ср., в частности, выражение узуальных и «вневременных» действий), которую мы трактуем как особое ФСП.

Статус поля лимитативности в аспектуальных системах разных языков

не одинаков. В русском и других славянских языках лимитативность занимает центральное положение среди других аспектуальных полей. Это обусловлено наличием грамматической категории вида, базирующейся на отношении действия к пределу. Однако в языках, где лимитативные отношения не грамматикализованы и не характеризуются той регулярностью, которая наблюдается в славянском глаголе, поле лимитативности может занимать иное положение в аспектуальной системе. Лимитативность оказывается лишь одним из центров группировки полей аспектуальности либо явно уступает центральное положение другим аспектуальным отношениям, в частности, кратности. Так, в коми-зырянском языке, как отмечает Б. А. Серебренников, почти с абсолютной регулярностью выражается многократность действия. Вместе с тем «одна и та же глагольная форма, в зависимости от контекста, может выражать в одинаковой мере как совершенное, так и несовершенное действие» [17, с. 86]. В кетском языке, по данным Е. А. Крейновича, значения завершенности/незавершенности действия сопряжены с временными различиями: завершенность связана с прошедшим временем, а незавершенность — с будущим и настоящим [18, с. 14—17]. С другой стороны, отмечается регулярность выражения однократности/многократности [19, с. 79; ср. 20, с. 199—201]. В венгерском языке помимо признаков предельности/непредельности выражается и признак «достижение предела», однако видовые образования характеризуются лишь ограниченным охватом глагольной лексики и недостаточной регулярностью, что не позволяет говорить о наличии вида как грамматической категории [21, с. 70]. Как отмечает Л. Дажё, признак достижения внутреннего предела, доминантный в русском языке, не имеет такого статуса в венгерском. Важную роль в венгерской аспектуальной системе играет количественная аспектуальность, в частности, выражение итеративности [21, с. 70—80].

Подобные факты свидетельствуют о том, что с точки зрения статуса лимитативности в общей системе аспектуальных отношений могут быть выделены разные типы аспектуальных систем. В частности, четко выделяется тип аспектуальной системы с ярко выраженной доминантой лимитативности, опирающейся на грамматическую категорию вида. Этот тип наиболее полно представлен в славянских языках. С другой стороны, может идти речь об аспектуальных системах с не столь явно выраженной лимитативной доминантой и даже о системах с недоминирующей лимитативностью.

Далее на материале русского языка анализируются выделенные выше лимитативные отношения.

Ограниченность/неограниченность действия пределом. Понимание значения СВ на основе признака ограниченности действия пределом (Огр.) вполне согласуется с определением, базирующимся на признаке целостности. Именно потому, что действие представлено во всей полноте его проявления, фиксируемого данным глаголом, оно характеризуется неделимой целостностью [см. 22, с. 18—19; 23, с. 13—18; 24, с. 27—29].

Основное значение форм НСВ противоположно значению СВ: выражается действие, не ограниченное пределом (Неогр.); например: *Когда выставляли раму, разбили стекло*. В особых условиях функционирования НСВ эта семантически немаркированная форма, как было отмечено выше, предполагает возможность передачи значения имплицитного предела.

Данное определение видовых значений вполне совместимо с определением, основанным на признаке «перемены ситуаций» (при СВ) и представлении действия (при НСВ) в рамках одной ситуации [см. 25, с. 13—17]. Поскольку действие представлено как ограниченное пределом, оно, исчерпав данное свое проявление, сменяется чем-то другим — состоянием или другим действием. При Неогр. для подобных переходов нет предпосылок (ср. приводимое иногда сравнение со сменой кинокадров и изображением происходящего в рамках одного кадра).

Акцент на последующей ситуации (состоянии или другом действии) — важный элемент характеристики значения СВ. Этот элемент «взгляда

вперед» может быть выявлен на уровне отдельного слова (например, *посинеть* — доведенное до предела становление данного признака есть вместе с тем наступление нового состояния — *стать синим*). Однако наиболее полное выявление отношения к последующему состоянию или другому действию реализуется в высказывании.

Важнейший признак противопоставления Огр./Неогр. в русском языке — его распространение на всю глагольную лексику и на все другие формы глагола. Данное противопоставление распространяется и на глаголы НСВ и СВ, образующие видовую пару, но при этом не находящиеся в отношении «направленность на предел/его достижение». Таковы, например, видовые пары *дать* — *давать*, *допустить* — *допускать*, *закашляться* — *закашливаться*, *заметить* — *замечать*, *засмотреться* — *засматриваться*, *застать* — *заставать*, *заявить* — *заявлять*, *испытать* (страх и т. п.) — *испытывать*, *наградить* — *награждать*, *обнаружить* — *обнаруживать*, *обойтись* — *обходиться*, *остаться* — *оставаться*, *охлаять* — *охлаивать*, *повиснуть* — *повисать*, *поместить* — *помещать*, *послать* — *посылать*, *появиться* — *появляться*, *предложить* — *предлагать*, *предусмотреть* — *предусматривать*, *разрешить* — *разрешать*, *случиться* — *случаться*, *увенчать* — *увенчивать*, *удивиться* — *удивляться*, *успеть* — *успевать*. Ср. также образованные путем перфективации пары типа *дарить* — *подарить*, *советовать* — *посоветовать*, *стараться* — *постараться*, *щадить* — *пощадить*. Как отметил Ю. С. Маслов, глаголы типа *видеть* — *увидеть*, *благодарить* — *поблагодарить*, *являться* — *явиться* не могут служить для разграничения попытки и успеха [26, с. 304].

Видовые пары в таких случаях создаются не для выражения соотношения «направленность на предел/его достижение», а для иных целей. Так, вторичные имперфективы используются преимущественно или исключительно для выражения повторяемости действия, а также при употреблении НСВ в обобщенно-фактической функции, в настоящем историческом и т. п.

Сфера различия Огр./Неогр. шире видовых пар любого типа. В частности, ограниченность пределом может быть отнесена к любому способу действия, связанному с СВ. Соотносительность с глаголом НСВ не обязательна.

Направленность действия на предел (результат)/его достижение. Рассматриваемое семантическое различие, основанное на противопоставлении потенциального и реального предела, представляет собой особую разновидность отношения Неогр./Огр. Признак Неогр. в данной его разновидности заключает в себе два семантических элемента: а) обозначение действия в процессе его протекания, б) направленность процесса на достижение результата. Признак Огр. выступает как реальное достижение результата (Результ.). Термин «результат» мы употребляем именно по отношению к рассматриваемой разновидности ограниченности действия пределом. Результат — это такой предел, которого достигает направленный на него процесс.

Соотношение Направл./Результ. выступает в двух вариантах, различающихся с точки зрения признаков преднамеренности (контролируемости) / непреднамеренности (неконтролируемости) процесса. Ср.: а) *отстирывать* — *отстирать*, *белить* — *побелить* и т. д.; б) *замерзать* — *замерзнуть*, *мелеть* — *обмелеть*, *стареть* — *постареть* [см. 10, с. 13; 14, с. 162—163]. Данное различие существенно а) с точки зрения взаимодействия результативности с переходностью/непереходностью (глаголы преднамеренного действия переходны, а непреднамеренного — непереходны); б) в связи с этим при преднамеренности достигнутый результат становится характеристикой того объекта, на который направлено действие, тогда как при непреднамеренности результат — характеристика субъекта; в) в действии и его результате отражаются такие свойства субъекта, как одушевленность/неодушевленность, отнесенность к признакам «лицо/не-лицо»; г) модальность волеизъявления характеризует лишь преднамеренные дей-

ствия; в связи с этим только такие действия могут выступать в конативных ситуациях типа «попытка (желание, стремление) — результат» (*Откачивали, да так и не откачали* и т. п.).

Может показаться излишним при наличии общего противопоставления Огр./Неогр. выделять одну из его разновидностей как особый тип отношения действия к пределу. На самом деле этот «частный случай» чрезвычайно важен. Перед нами семантически наиболее яркая разновидность противопоставления видов. Данное различие легко опознается говорящими как актуальное для смысла высказывания. Ср.: — *Сегодня сын сдавал экзамен. — И сдал?* Именно это противопоставление в первую очередь связывается в сознании носителей языка с формами НСВ и СВ.

Естественно, что распространение видовых различий на всю глагольную лексику влечет за собой далеко идущее абстрагирование категориальных видовых значений, в известной степени их формализацию. И в то же время необходимо придавать должное значение конкретной и живой основе видового противопоставления — признакам, сохраняющим непосредственную смысловую значимость. Если в целом противопоставление Огр./Неогр. в силу своей всеобщей (в рамках глагола) распространенности и обязательности играет строевую грамматическую роль и далеко не всегда является существенным для смысла высказывания, то противопоставление Направл./Результ., не обладая признаком всеобщности и обязательности, характеризуется актуальной смысловой значимостью. Поэтому данное различие следует рассматривать как смысловое ядро семантики вида.

При обсуждении вопроса о значениях видов распространен такой способ рассуждения: рассматривается некоторое значение, трактуемое теми или иными исследователями как грамматическое значение СВ, затем выясняется, что оно действительно не для всех глаголов; далее на этом основании данная точка зрения признается неправильной. На наш взгляд, при установлении категориальных значений не следует отводить значения, не обладающие признаком всеобщности. Категориальное значение может находить в части материала (в нашем случае — в широко распространенном типе результативных видовых пар) свою наиболее полную и характерную манифестацию, которая должна быть отражена в лингвистическом описании.

Предельность/непредельность. Противопоставление предельности/непредельности (далее П/НП) трактуется нами как наличие/отсутствие любого предела — как реального (эксплицитного и имплицитного), так и потенциального. В русском языке различие П/НП подчинено грамматической категории вида. Это находит выражение в распределении П/НП по видам: несоотносительный НСВ — непредельность; видовые пары и несоотносительный СВ — предельность. С другой стороны, П/НП воздействует на видообразование и функционирование видов. Так, непредельные глаголы НСВ (*гостить, держать, нищенствовать, подпевать* и т. п.), в отличие от предельных, неспособны к выражению реального имплицитного предела. Таким образом, П/НП и вид связаны отношениями взаимобусловленности (ср. иную точку зрения в работах Н. Телина [27], где видовая семантика полностью отделяется от П/НП).

Как и в других языках, П/НП в русском языке коренится в семантике глагола, в ее отношении к идее предела. Но специфика русского и других славянских языков заключается в том, что «предельная/непредельная способность глагола реализуется в рамках жесткой и облигаторной видовой системы. Заложенная в семантике глагола способность к П/НП получает реализацию в словоформах с определенным грамматическим видовым значением. Способность к П/НП, заключенная в лексическом значении глагола и отражающая свойства самого внеязыкового действия, в своей реализации в «видовом» языке включается в жесткие рамки системы видовых форм и видовых значений. Других способов выявления, свободных от системы видов, «терминативно/атерминативная способность» не имеет.

Возникает вопрос: как же в таком случае можно выделить П/НП как особый тип и уровень лимитативных отношений? Ответ заключается в сле-

дующем. Противопоставление П/НП выделяется как лимитативное отношение особого уровня на основе лексически конкретной ориентации данного отношения на отдельный глагол и на разряды глаголов. П/НП — это характеристика того или иного глагола (того или иного из его значений) или разряда глаголов. Что же касается противопоставления Огр./Неогр., то это противопоставление категориальных признаков форм СВ и НСВ в грамматической системе.

Остановимся на одном из «трудных случаев». Выше уже были упомянуты видовые пары, в которых НСВ не выражает направленности на достижение предела. Ср., например, имперфективы *давать*, *закашливаться*, *замечать*, *благодарить*, *видеть*, *дарить*, *советовать*, *стараться*, *щадить* и т. п. Предельны или непредельны такие глаголы? Обычно предельность определяется как направленность действия на предел, однако в данном случае такой направленности нет.

Обратимся к предлагаемому нами истолкованию П/НП на основе наличия/отсутствия предела — как реального (эксплицитного и имплицитного), так и потенциального. Указанные глаголы обнаруживают явно выраженную способность к передаче имплицитного предела. В первую очередь речь идет о выражении повторяющихся действий: *Каждый раз их допускали к экзаменам; Им часто удавалось...* и т. п. Ср. также употребление НСВ а) в настоящем историческом: *Войдя в купе, он замечает на столике букет цветов; В блокноте журналиста появляется запись...;* б) в обобщенно-фактической функции: *Я замечал это; Кто его туда посылал? Этот вариант ему уже предлагали* и т. п.

Глаголы типа *видеть* — *увидеть*, *просить* — *попросить*, *советовать* — *посоветовать*, *хвалить* — *похвалить*, *благодарить* — *поблагодарить*, *клясться* — *поклясться*, *лгать* — *солгать* — это, по определению Ю. С. Маслова, глаголы «непосредственного, непрерывного эффекта». Они обозначают такие действия, которые ни при каких обстоятельствах не могут мыслиться как оставшиеся «неэффективными», «безуспешными» [26, с. 314]. Значение «непрерывного эффекта» можно рассматривать как особую (лексически обусловленную) разновидность реального имплицитного предела. В сочетании со способностью передавать имплицитный предел в «обычном» смысле (в определенных функционально-грамматических позициях) это создает достаточную базу для вывода о том, что рассматриваемые глаголы предельны. Соотносительность с СВ подтверждает этот вывод.

В силу обязательности категории вида в славянских языках значение СВ (ограниченность пределом и вместе с тем целостность действия) имеет более широкую сферу распространения, чем сфера тех глаголов, у которых достижение предела могло бы быть соотнесено с направленностью на предел. Многие глаголы СВ обозначают действие как ограниченное пределом вне соотношения «направленность на предел — его достижение». Соответственно расширяется и сфера предельности. Она включает и такое выражение реального предела, которое не соотносится с направленностью на предел.

Для дальнейшего исследования П/НП важно разграничение и соотношение двух аспектов проблемы: сущность П/НП как понятийной категории, имеющей свое основание во внеязыковой действительности [см. 10, с. 12—17], и реализация (и в то же время интерпретация) данного противопоставления в единицах того или иного конкретного языка (см. о соотношении предельных/непредельных действий и предельных/непредельных глаголов [14, с. 164—165]).

Лимитативные ситуации. Для анализа семантики предела на уровне высказывания может быть использовано понятие лимитативной ситуации (ЛС). ЛС — это выражаемая в высказывании типовая содержательная структура, базирующаяся на элементах поля лимитативности и представляющая то или иное отношение действия (и ситуации в целом) к пределу. ЛС — разновидность более широкого понятия аспектуальной ситуации, которое, в свою очередь, охватывается родовым понятием категориальной ситуации [см. 7, с. 190—200; 28, с. 99—124]. Как и все категориальные

ситуации, ЛС трактуются нами как структуры, относящиеся к области собственно языковой семантики в ее речевой реализации. Рассматриваемые структуры включают не только понятийную основу передаваемого содержания, но и его языковую семантическую интерпретацию.

Могут быть выделены предельные и непредельные ЛС, а в рамках каждого из этих типов — их разновидности и варианты. Так, ситуации, включающие элемент потенциального предела, выступают в следующих разновидностях:

1. Соотношение «попытка — результат (отрицательный или положительный)». В ситуациях данного типа [26, с. 303] налицо контраст потенциального предела (с явно выраженным модальным элементом конативности) и предела реального. Например: *О л е с о в а ... Ты меня у б и в а л, злодей, н о ты меня н е у б и л, н е у б и л!* (В. Панова, Еще не вечер); ср. экспликацию модального элемента в результативной части ситуации: *Кузьмич з а к и д ы в а л, закидывал ногу в кузов и никак н е м о г з а к и н у т ь* (Е. Носов, Мост).

2. Направленность процесса на результат (без элемента конативности) — обозначение достигнутого результата: *Снег и с с я к а л и как-то разом, неожиданно о б о р в а л с я* (Ю. Соловьев, Пешком за облака).

3. Выражение направленности процесса на результат при невыраженности его достижения. Потенциальный предел в данном случае выступает вне синтагматической соотнесенности с реальным пределом: *Сгустились сумерки.*

Рассмотрим более подробно одну из разновидностей ЛС реального предела — результативные ситуации с элементом имплицитруемой процессности. Выражается (формой СВ) достигнутый результат с дополнительным оттенком связи с предшествующим процессом, который привел к данному результату [26, с. 313]. Элемент имплицитруемой процессности может актуализироваться показателями постепенности достижения результата (*постепенно, не сразу* и т. п.), темпа (*медленно, быстро*), периода времени, занятого действием (*за два месяца*). Например: *Машина постепенно набрала скорость; Не сразу я привык к этому; Труба перископа медленно уползла обратно в шахту; Я быстро добрался до верхней площадки; За три часа мы упаковали вещи.*

В высказываниях с формами будущего времени возможно своего рода раздвоенное временной отнесенности самого достигнутого результата и приводящего к нему процесса: *Иди домой, а то совсем замерзнешь*. В таких случаях достигнутый результат относится к будущему времени, а подразумеваемый предшествующий процесс затрагивает сферу настоящего.

Элемент имплицитруемого предшествующего процесса при выражении формой СВ достигнутого результата не равнозначен процессу, выражаемому формами НСВ: *Машина постепенно набирала скорость*. При НСВ в эксплицитной форме передается протекание процесса в динамике его переходов от более ранних моментов к более поздним. В рассматриваемых же случаях процессность выступает «в снятом виде», как дополнительный имплицитный элемент, примыкающий к основному значению достигнутого результата.

Явление имплицитруемой процессности выходит за рамки результативных ситуаций. Как уже было отмечено в начале статьи, особый тип последующего имплицитруемого процесса представлен при выражении начинательности: *Мы медленно пошли вниз*. Слово *медленно* не только характеризует начальную фазу действия (завершаемую с промедлением), но и актуализирует последующую предполагаемую длительность процесса: не сразу двинулись и медленно продолжали идти. Данный тип имплицитруемой процессности представляет собой своего рода контраст по отношению к рассмотренному выше языковому материалу: если результативность при СВ может включать имплицитруемое указание на предшествующий процесс, приводящий к данному результату, то начинательность предполагает последующий процесс, вытекающий из доведенной до предела начальной фазы действия.

Проведенный в этой статье анализ лимитативных отношений демонстрирует их сложную дифференциацию, тонкие оттенки языковой интерпретации понятийной основы семантики предела. Сфера аспектуальности вообще представляет собой развитую систему внутриязыковой семантики с сильно выраженным интерпретационным элементом. Вместе с тем общий принцип анализа, учитывающего не только денотативно-понятийные, но и интерпретационные аспекты языкового содержания, может быть реализован в разных функционально-семантических сферах грамматики, в частности, при исследовании модальных, персональных, залоговых, субъектно-объектных, квалитативных, квантитативных, посессивных, локативных, кондициональных и других отношений.

Для современной лингвистической теории характерна ориентация прежде всего на референциальные, денотативные, универсально-понятийные и коммуникативно-прагматические аспекты семантики. Эта направленность теории имеет глубокий смысл. В ней находит многообразное проявление тот факт, что языкознание становится одной из основных наук о мышлении. Однако без специальной разработки на современном уровне собственно языковых способов представления мыслительного содержания в значениях языковых единиц и их сочетаний в речи лингвистическая теория значения не может быть адекватной. Возможно и необходимо непротиворечивое соотнесение концепций «отражательной» семантики и концепций «языкового содержания». Такое соотнесение разных подходов в общей системе лингвистических теорий должно быть подготовлено специальным исследованием интерпретационных аспектов языковых значений.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Потебня А. А.* Из записок по русской грамматике. Т. I—II. М., 1958.
2. *Mathesius V.* Obsahový rozbor současné angličtiny na základě obecně lingvistickém. Praha, 1961.
3. *Dokulil M., Daneš Er.* K t. zv. významové a mluvnické stavbě věty.— In: O vědeckém poznání soudobých jazyků. Praha, 1958.
4. *Daneš Fr., Hlavsa Z. et al.* Větné vzorce v češtině. Praha, 1981.
5. *Sgall P., Panevová J.* Obsah, význam a gramatika se sémantickouází.— SaS, 1976, roč. XXXVII, seš. 1.
6. *Бондарко А. В.* Грамматическое значение и смысл. Л., 1978.
7. *Бондарко А. В.* Принципы функциональной грамматики и вопросы аспектологии. Л., 1983.
8. *Guillaume G.* Immanence et transcendence dans la catégorie du verbe.— In: *Guillaume G.* Langage et science du langage. 3-e éd. Paris, 1973.
9. *Фортунатов Ф. Ф.* Сравнительное языковедение.— В кн.: *Фортунатов Ф. Ф.* Избранные труды. Т. I. М., 1956.
10. *Маслов Б. С.* К основаниям сопоставительной аспектологии.— В кн.: Вопросы сопоставительной аспектологии. Л., 1978.
11. *Маслов Ю. С.* Очерки по аспектологии. Л., 1984.
12. *Павлов В. М.* Темпоральные и аспектуальные признаки в семантике «временных форм» немецкого глагола и некоторые вопросы теории грамматического значения.— В кн.: Теория грамматического значения и аспектологические исследования. Л., 1984.
13. *Гловинская М. Я.* Семантические типы видовых противопоставлений русского глагола. М., 1982.
14. *Шелякин М. А.* Категория вида и способы действия русского глагола (Теоретические основы). Таллин, 1983.
15. *Реферовская Е. А.* Аспектуальные значения французского глагола.— В кн.: Теория грамматического значения и аспектологические исследования.
16. *Насилов Д. М.* Аспектуальные значения аналитических образований и разряды глагольной лексики в узбекском языке.— В кн.: Теория грамматического значения и аспектологические исследования.
17. *Серебренников Б. А.* Категории времени и вида в финно-угорских языках пермской и волжской групп. М., 1960.
18. *Крейнович Е. А.* Глагол кетского языка. Л., 1968.
19. *Крейнович Е. А.* Способы действия в глаголе кетского языка.— В кн.: Кетский сборник. Лингвистика. М., 1968.
20. *Успенский Б. А.* О системе кетского глагола.— В кн.: Кетский сборник. Лингвистика.
21. *Дэжэ Л.* Типологическая характеристика русской грамматики в сопоставлении с венгерской. Простое предложение. Будапешт, 1984.

22. *Бондарко А. В.* Вид и время русского глагола (Значение и употребление). М., 1971.
23. *Шелякин М. А.* Основные проблемы современной русской аспектологии.— В кн.: Вопросы русской аспектологии. Воронеж, 1975.
24. *Ломов А. М.* Очерки по русской аспектологии. Воронеж, 1977.
25. *Барентсен А. А.* К описанию семантики категорий «вид» и «время» (На материале современного русского литературного языка).— In: Tijdschrift voor slavische Taal-en Letterkunde. The Hague, 1973.
26. *Маслов Ю. С.* Вид и лексическое значение глагола в русском языке.— ИАН ОЛЯ, 1948, № 4.
27. *Thelin N. B.* Aspekt und Aktionalität im Russischen.— Die Welt der Slaven, 1980, Jg. XXV, № 2.
28. *Бондарко А. В.* Функциональная грамматика. Л., 1984.